

СУД ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

ОСОБОЕ МНЕНИЕ
судьи Колоса Д.Г.
(дело № СЕ-1-1/1-16-БК)

город Минск

25 февраля 2017 года

21 февраля 2017 года Большой коллегией Суда Евразийского экономического союза (далее – Суд) вынесено решение по делу по заявлению Российской Федерации (Истец) по спору о соблюдении Республикой Беларусь (Ответчик) Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор), статьи 125 Таможенного кодекса таможенного союза (далее – ТК ТС), статей 11 и 17 Соглашения о взаимной административной помощи таможенных органов государств – членов таможенного союза от 21 мая 2010 года (далее – Соглашение от 21 мая 2010 года).

Указанным решением заявление Российской Федерации удовлетворено в части и установлен факт исполнения Республикой Беларусь не в полном объеме положений статей 1, 3, 4, 25 Договора об обеспечении свободы движения товаров, функционировании таможенного союза без изъятий и ограничений после окончания переходных периодов, стремлении к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в рамках Евразийского экономического союза (далее – Союз), осуществлении единого таможенного регулирования, статьи 125 ТК ТС, статей 11 и 17 Соглашения от 21 мая 2010 года.

Согласен с выводом Большой коллегии Суда в резолютивной части решения в части исполнения Республикой Беларусь статей 1, 3, 4, 25 Договора, статьи 125 ТК ТС, статей 11 и 17 Соглашения от 21 мая 2010 года.

Категорически не согласен с:

выводами Большой коллегии Суда в резолютивной части решения в части того, что исполнение Ответчиком указанных норм права Союза являлось неполным, а также о частичном удовлетворении требований Истца;

выводами, содержащимися в описательной и мотивировочной частях решения;

постановлением Большой коллегии Суда от 12 сентября 2016 года о принятии к производству рассматриваемого заявления;

протокольным постановлением Большой коллегии Суда от 15 ноября 2016 года об отказе в удовлетворении ходатайства Ответчика о прекращении производства по делу.

Считаю, что названные судебные акты приняты Большой коллегией Суда *ultra vires* (с превышением полномочий), с нарушением общих принципов и норм как материального, так и процессуального права.

Пользуясь правом, предоставленным статьей 79 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 (далее – Регламент Суда), заявляю особое мнение.

1. Компетенция Суда. Пределы судебного разбирательства

1.1. Во всех указанных процессуальных документах Большой коллегией Суда не дана оценка фактическим обстоятельствам, имеющим существенное значение для решения вопроса о наличии у Суда компетенции по рассмотрению данного дела.

В то же время, анализ пунктов 39, 43, 44 Статута Суда Евразийского экономического союза, являющегося приложением № 2 к Договору (далее – Статут Суда) и статьи 8 Регламента Суда показывает, что Суд наделен полномочиями рассматривать заявления о соблюдении государством-членом Договора и отдельных положений международных договоров в рамках Союза лишь при наличии следующих основных условий:

1) Суд обладает предметной (*ratione materiae*), субъектной (*ratione personae*) и временной (*ratione temporis*) компетенцией в отношении фактических обстоятельств, послуживших основанием для возникновения спора, и правовых норм, которыми обосновываются требования Сторон;

2) соблюден установленный досудебный порядок урегулирования спора;

3) соблюдены указанные в статье 8 Регламента Суда требования к заявлению государства-члена о разрешении спора и прилагаемым к нему документам.

В постановлении Большой коллегии Суда от 12 сентября 2016 года о принятии заявления к производству Суд дал *prima facie* оценку заявлению Истца с точки зрения наличия у Суда предметной и субъектной компетенции по рассмотрению данного спора, однако

не высказался относительно наличия темпоральной компетенции. Впоследствии, как при разрешении ходатайства Ответчика о прекращении производства по делу, так и при вынесении решения, Суд не мотивировал отказ в удовлетворении указанного ходатайства и не привел доказательств, на которых основан вывод о наличии у него компетенции по рассмотрению данного спора, а также не определил пределы судебного разбирательства.

Считаю, что Суд не обладает компетенцией по рассмотрению данного спора, в связи с чем следовало отказать в принятии заявления в соответствии с подпунктами «а» и «б» пункта 2 статьи 33, либо на любой более поздней стадии процесса прекратить производство по делу на основании подпункта «а» пункта 1 статьи 56 Регламента Суда.

1.2. Принцип недопустимости обратной силы международного договора является общепризнанным принципом международного права. В соответствии со статьей 28 Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 года если иное намерение не явствует из договора или не установлено иным образом, то положения договора не обязательны для участника договора в отношении любого действия или факта, которые имели место до даты вступления договора в силу для указанного участника, или в отношении любой ситуации, которая перестала существовать до этой даты.

Договор вступил в силу для Сторон спора 1 января 2015 года. Суд начал свою работу в соответствии с Договором и Статутом Суда также 1 января 2015 года. Ни одна из Сторон не выразила согласия на обязательность для нее Договора до вступления его в силу, текст Договора, равно как и последующая практика его применения, не свидетельствуют о намерении государств-участников придать ему обратную силу. Какие-либо основания для признания ретроспективного действия Договора в отношении обстоятельств рассматриваемого спора, имевших место до его вступления в силу, то есть до 1 января 2015 года, отсутствуют.

Таким образом, Суд наделен государствами-членами, являющимися Сторонами спора, компетенцией по рассмотрению межгосударственных споров только начиная с указанной даты.

Момент возникновения спора или фактов, на которых он основывается, должен относиться к периоду, на который распространяется темпоральная компетенция Суда.

Вместе с тем, из материалов дела усматривается, что в рамках таможенного контроля, регулирование которого передано государствами-членами на наднациональный уровень, все юридически

значимые действия были совершены таможенными органами Республики Беларусь исключительно в 2014 году.

В отличие от таможенного регулирования вопросы привлечения лиц к административной ответственности за нарушение таможенного законодательства, а также осуществления производства по делам об административных таможенных правонарушениях в силу пункта 3 статьи 7 ТК ТС оставлены в исключительной компетенции соответствующих органов государств – членов таможенного союза, не переданы ими на наднациональный уровень и не относятся к единой, согласованной или скоординированной политике Союза.

Согласно пункту 1 статьи 3 Договора об особенностях уголовной и административной ответственности за нарушения таможенного законодательства таможенного союза и государств – членов таможенного союза от 5 июля 2010 года виды административных правонарушений, а также порядок и принципы привлечения лиц к административной ответственности определяются внутренним законодательством государств с особенностями, установленными данным Договором.

В соответствии со статьей 4 названного международного договора лицо, совершившее административное правонарушение на таможенной территории таможенного союза, подлежит привлечению к административной ответственности по законодательству того государства, на территории которого выявлено административное правонарушение, а административный процесс (производство) ведется по законодательству того государства – члена таможенного союза, в котором лицо привлекается либо подлежит привлечению к административной ответственности.

Соответствующие правоотношения материального характера регламентируются в Республике Беларусь Кодексом Республики Беларусь об административных правонарушениях, процессуального характера – Процессуально-исполнительным кодексом Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – ПИК_оАП Республики Беларусь).

Следует отметить, что в соответствии со статьей 9 ТК ТС обжалование решений и действий таможенных органов осуществляется в порядке и сроки, установленные законодательством соответствующего государства – члена таможенного союза.

С учетом действующего в праве Союза регулирования право государств-членов на самостоятельное осуществление юрисдикции по делам об административных правонарушениях является одним из проявлений общепризнанного принципа международного права –

права на суверенитет – а действия государства в его рамках не могут являться предметом оценки Суда.

Таким образом, принимая во внимание изложенное, учитывая невключение вопросов ведения производства по делам об административных правонарушениях в круг евразийских политик, отсутствие унифицированных или гармонизированных региональных стандартов ведения административного процесса, составов и санкций административных правонарушений в таможенных отношениях, положения Проекта статей об ответственности государств за международно-правовые деяния, одобренного резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/56/83 от 12 декабря 2001 года (далее – Проект статей об ответственности государств за международно-правовые деяния) в части ответственности государства за действия любых его органов, в том числе осуществляющих судебные функции, не могут являться релевантными отношениям по осуществлению производства по делам об административных правонарушениях государств – членов таможенного союза.

Анализ данных норм во взаимосвязи с правовым регулированием разделения компетенции Союза и государств-членов, с учетом отсутствия у хозяйствующих субъектов права на обращение в Суд с заявлением об оспаривании действий (бездействия) государства-члена, позволяет прийти к выводу о том, что оценка соблюдения процессуальных гарантий хозяйствующих субъектов таможенными органами государств-членов в рамках производства по делам об административных правонарушениях не входит в юрисдикцию Суда.

Четкое разделение компетенции национальных судов и судебного органа международной организации региональной экономической интеграции нашло закрепление и в правовых позициях международных судов. Так, решением Суда Евразийского экономического сообщества от 7 октября 2014 года, которое в силу пункта 3 статьи 3 Договора о прекращении деятельности Евразийского экономического сообщества от 10 октября 2014 года продолжает действовать в прежнем статусе, установлено, что решения судов о привлечении хозяйствующих субъектов к административной ответственности, обжалованные в порядке, установленном национальным процессуальным законодательством, ни при каких обстоятельствах не подлежат пересмотру Судом.

Таким образом, с учетом *de lege lata* и сложившейся судебной практики единственно правильным является вывод о том, что Суд не наделен государствами-членами полномочиями по проверке решений национальных судебных и иных органов по делам об административных

правонарушениях, а вопросы применения права Союза должны решаться Судом на основании установленных данными решениями (при их наличии) вопросов факта.

С учетом изложенного, правомерность действий государства в лице его органов в рамках пресечения административных правонарушений, осуществления производства по делам об административных правонарушениях, привлечения лиц к административной ответственности и принятых в рамках указанных полномочий в соответствии с национальным законодательством решений (в том числе поводы и основания для начала административного процесса, используемые источники доказательств и меры обеспечения административного процесса, сроки проведения производства, законность и обоснованность вынесенных постановлений по делам об административных правонарушениях) не подлежат оценке Большой коллегией Суда как не подпадающие под установленную статьей 39 Статута Суда компетенцию *ratione materiae*.

Таким образом, предметом рассмотрения в Суде с учетом его компетенции и требований о пределах судебного разбирательства могли являться лишь действия Ответчика в лице его таможенных органов, совершенные исключительно после 1 января 2015 года и только в рамках проведения таможенного контроля, но не в рамках производства по делам об административных правонарушениях. При этом факты, установленные соответствующими национальными юрисдикционными органами в рамках производства по делам об административных правонарушениях, не подлежат оценке Судом, целью деятельности которого в силу статьи 2 Статута Суда является обеспечение единообразного применения права Союза государствами – членами и органами Союза, но не оценка установленных национальными органами в рамках производства по делам об административных правонарушениях фактов, по отношению к которым применяется право Союза.

Согласно материалам дела таможенная процедура таможенного транзита в отношении всех указанных в заявлении Истца товаров была завершена таможенными органами Ответчика в декабре 2014 года, о чем свидетельствуют штампы о поступлении товаров, заполненные и заверенные личными номерными печатями должностных лиц таможи, а также внесение сведений о завершении указанной таможенной процедуры в журнал регистрации таможенных операций при завершении таможенной процедуры таможенного транзита, который ведется с использованием информационных технологий в соответствии с Приказом Государственного таможенного комитета

Республики Беларусь от 21 декабря 2010 года № 468-УД. Имеющиеся в материалах дела копии транспортных (перевозочных) и коммерческих документов, используемых в качестве транзитных деклараций, а также сведения из упомянутой информационной системы свидетельствуют о регистрации завершения таможенной процедуры таможенного транзита в отношении всех товаров не позднее 23 декабря 2014 года.

В материалах дела отсутствуют сведения о проведении после указанной даты таможенными органами Республики Беларусь каких-либо форм таможенного контроля, предусмотренных статьей 110 ТК ТС. Таким образом, таможенный контроль в отношении всех партий товара был завершен таможенными органами Республики Беларусь до 1 января 2015 года.

Имеющиеся в материалах дела доказательства свидетельствуют о том, что в 2015 году органами Ответчика совершались действия только в отношении четырех фактов перевозки из двадцати девяти, обозначенных в заявлении Истца. Однако все такие действия, которые могли породить юридически значимые последствия, были совершены не в рамках таможенного контроля, а исключительно в рамках осуществления производства по делам об административных правонарушениях.

Данный вывод основывается на следующих нормах права и фактических обстоятельствах дела.

Подпунктом 8 пункта 1 статьи 6 ТК ТС установлено, что одной из задач таможенного органа является выявление, предупреждение и пресечение административных правонарушений и преступлений в соответствии с законодательством государств – членов таможенного союза.

Согласно подпункту 3 пункта 2 статьи 128 ТК ТС в целях выявления, прогнозирования и предотвращения нарушений таможенного законодательства таможенного союза и (или) законодательства государств – членов таможенного союза применяется система управления рисками.

Таким образом, при наличии данных, полученных с применением системы управления рисками, либо иных данных, свидетельствующих о возможном несоответствии товара идентификационным признакам и иных нарушениях таможенного законодательства таможенного союза и (или) законодательства государства – члена таможенного союза, в обязанности таможенного органа входит выявление признаков административного правонарушения.

Большой коллегией Суда не приняты во внимание имеющиеся в материалах дела доказательства выявления еще в 2014 году

таможенными органами Республики Беларусь признаков административных правонарушений при перевозке указанных в заявлении Истца партий товаров, которые, по мнению Ответчика, свидетельствуют о наличии сомнений в том, что к завершению таможенной процедуры таможенного транзита предъявлен именно тот товар, который указан в товаросопроводительных документах, а также ответы таможенных органов Российской Федерации в адрес таможенных органов Республики Беларусь об установлении недостоверности сведений о получателе товара в товаросопроводительных документах, представленных для завершения таможенной процедуры таможенного транзита, явившиеся основаниями для начала в 2014 году производства по делам об административных правонарушениях.

Согласно статье 6 Договора об особенностях уголовной и административной ответственности за нарушения таможенного законодательства таможенного союза и государств – членов таможенного союза от 5 июля 2010 года результаты выполнения компетентным органом одной Стороны в соответствии с законодательством этой Стороны процессуальных действий на основании поручений компетентных органов другой Стороны признаются в качестве доказательств по делам об административных правонарушениях и подлежат оценке при рассмотрении указанных дел наряду с другими доказательствами согласно законодательству Сторон. Таким образом, предоставленная таможенными органами Российской Федерации таможенным органам Республики Беларусь по их поручению информация о результатах проведения процессуальных действий входит в круг доказательств по делам об административных правонарушениях.

В этой связи, принимая во внимание представленные Ответчиком сведения о начале административного процесса по всем указанным в заявлении Истца партиям товаров в 2014 году, единственно правильным является вывод о том, что действия таможенных органов Ответчика, которые относятся к 2015 году, были совершены в рамках осуществления производства по делам об административных правонарушениях и в целях предотвращения ущерба экономической безопасности государств – членов Союза, регулируются исключительно национальным законодательством и не входят в сферу применения ТК ТС или иных актов права Союза, а следовательно на них не распространяется компетенция Суда.

С учетом изложенного, после исследования имеющихся в материалах дела доказательств у Суда имелись все основания для констатации факта отсутствия у него компетенции по рассмотрению

данного спора и прекращения производства по делу по этому основанию в соответствии с подпунктом «а» пункта 56 Регламента Суда.

1.3. Большой коллегией Суда ни в постановлении о принятии заявления к производству, ни в решении по существу не дана оценка соблюдению Истцом досудебного порядка урегулирования спора.

Согласно пункту 43 Статута Суда спор не принимается к рассмотрению Судом без предварительного обращения заявителя к государству-члену для урегулирования вопроса в досудебном порядке путем консультаций, переговоров или иными способами, предусмотренными Договором и международными договорами в рамках Союза, за исключением случаев, прямо предусмотренных Договором.

Как следует из материалов дела, в рамках досудебного урегулирования спора Сторонами проводились двухсторонние консультации, предметом которых являлась оценка должного поведения таможенных органов в отношениях, регулируемых статьей 125 ТК ТС, статьями 11 и 17 Соглашения от 21 мая 2010 года.

В заявлении в Суд помимо указанных норм в качестве предмета спора Истцом указано также на несоблюдение Ответчиком Договора, без указания его конкретных статей. И только в ходе судебного разбирательства Истцом были дополнены требования и указаны конкретные статьи Договора – 1, 3, 4 и 25, соблюдение которых, по его мнению, должно являться предметом спора.

Вместе с тем, в материалах дела отсутствуют сведения относительно досудебного урегулирования спора о соблюдении положений статей 1, 3, 4 и 25 Договора, Ответчик данное обстоятельство отрицает, письменных доказательств обратного Истцом не представлено.

Согласно части второй статьи 112 Договора в случае недостижения согласия в течение трех месяцев с даты направления одной Стороной спора, связанного с применением положений Договора, другой Стороне спора официальной письменной просьбы о проведении консультаций и переговоров, спор может быть передан любой из Сторон спора на рассмотрение в Суд, если Сторонами спора не достигнута договоренность об использовании иных механизмов его разрешения.

Дополнение требований после начала судебного разбирательства по делу противоречит предусмотренному статьей 23 Регламента Суда принципу состязательности, в соответствии с которым Стороны вправе знать об аргументах друг друга до начала судебного разбирательства, а также требованиям подпункта «г» пункта 3 статьи 29 Регламента

Суда, согласно которому Стороны должны добросовестно пользоваться своими правами и не нарушать их.

Принцип *venire contra factum proprium* подразумевает, что Сторона не может ставить себя в противоречие к своему предыдущему поведению по отношению к другой Стороне, если последняя действовала, разумно полагаясь на такое поведение. В противном случае поведение Стороны не будет соответствовать принципу *bona fide*. Согласно признанной международным и национальным правом и широко используемой на практике доктрине *estoppel* Сторона утрачивает право ссылаться на определенное право или обстоятельства, имеющие процессуально-правовое значение, если из ее действий другая Сторона могла разумно предположить, что вышеупомянутая Сторона отказалась от возможности ссылаться на такое право или обстоятельства.

Правовая позиция о том, что Сторона должна заявить все требования еще на начальной стадии процесса, также находит свое отражение в решениях международных судов, в частности, в Постановлении Европейского Суда по правам человека от 22 февраля 1989 года по делу *Ciulla v. Italy*, пункты 28-29.

При таких обстоятельствах требования Истца о несоблюдении Ответчиком положений статей 1, 3, 4 и 25 Договора заявлены без соблюдения досудебного порядка урегулирования спора, что свидетельствует об отсутствии у Суда компетенции рассматривать данное дело в этой части, в связи с чем Суд в соответствии с подпунктом «б» пункта 2 статьи 33 или подпунктом «а» пункта 1 статьи 56 Регламента Суда должен был соответственно отказать в принятии заявления либо прекратить производство по делу в данной части.

1.4. Большой коллегией Суда оставлен без должной оценки и вопрос применения специальных средств досудебного урегулирования спора, к которым должны были прибегнуть Стороны.

Устоявшимся правилом в международном судопроизводстве является констатация судом исчерпания Сторонами примирительных досудебных процедур урегулирования спора как основания для обращения в международный суд. Право Союза предусматривает дополнительные согласованные Сторонами примирительные процедуры, использование которых является условием для обращения в Суд в целях урегулирования споров, вытекающих из таможенных отношений.

Так, согласно части второй статьи 2 Договора о Таможенном кодексе таможенного союза Комиссия таможенного союза оказывает

содействие Сторонам в урегулировании споров в рамках таможенного союза до обращения в Суд Евразийского экономического сообщества.

В силу пункта 3 статьи 20 Соглашения от 21 мая 2010 года Комиссия таможенного союза оказывает содействие Сторонам в урегулировании спора до его передачи для рассмотрения в Суд Евразийского экономического сообщества.

В соответствии с подпунктами 4 и 8 пункта 43 Положения о Евразийской экономической комиссии, являющегося приложением № 1 к Договору, Коллегия Комиссии наделена полномочиями по оказанию содействия государствам-членам в урегулировании споров в рамках Союза до обращения в Суд Союза.

Таким образом, право Союза, учитывая особый характер межгосударственных споров, устанавливает в настоящее время необходимость привлечения Комиссии в качестве независимой Стороны в целях разрешения конфликта, вытекающего в том числе из таможенных правоотношений, в форме таких согласительных процедур, предусмотренных пунктом 1 статьи 33 Устава ООН и пунктом 5 раздела I Манильской декларации о мирном разрешении международных споров от 15 ноября 1982 года, как оказание добрых услуг и примирение.

Использование третьей Стороны (государства, органа международной организации) для разрешения межгосударственных споров является общепринятой в международных отношениях практикой, в том числе в рамках международных организаций региональной экономической интеграции. Так, например, согласно статье 259 Договора о функционировании Европейского союза от 25 марта 1957 года в редакции Лиссабонского договора от 13 декабря 2007 года (далее – Договор о функционировании Европейского союза, ДФЕС) до обращения в Суд Европейского союза одного государства-члена с иском против другого государства-члена на основании предполагаемого нарушения последним обязанностей, предусмотренных учредительными договорами Европейского союза, первое государство-член должно обратиться с этим вопросом в Европейскую комиссию.

Таким образом, необходимо констатировать наличие в действующем наднациональном правовом регулировании императивного предписания об использовании механизма обращения к Комиссии в целях урегулирования межгосударственного спора о соблюдении ТК ТС и Соглашения от 21 мая 2010 года.

В этой связи досудебный порядок урегулирования спора в части требований о соблюдении Ответчиком статьи 125 ТК ТС, статей 11 и 17

Соглашения от 21 мая 2010 года Истцом также не соблюден, что, как указано выше, свидетельствует об отсутствии у Суда компетенции рассматривать данное дело и являлось основанием для отказа в приеме заявления или прекращения производства по делу в этой части.

1.5. Пункт 39 Статута Суда устанавливает, что для констатации компетенции суда по рассмотрению заявления необходимо наличие спора между Сторонами, возникающего по вопросам реализации Договора, международных договоров в рамках Союза и (или) решений органов Союза.

Очевидно, что на момент рассмотрения межгосударственного спора в Суде такой спор не должен носить характер исчерпанности, а решение Суда должно иметь практические последствия.

В судебном заседании представители Истца заявляли, что решение Суда по данному делу необходимо исключительно в целях использования его в ходе последующих переговоров государств-членов по совершенствованию таможенного регулирования в Союзе, при этом не отрицали, что после указанных в заявлении событий Ответчиком не совершались действия, аналогичные рассматриваемым.

Правовая позиция Международного Суда ООН, которая нашла отражение во многих его решениях (Австралия против Франции, решение от 20 декабря 1974 года, п.п. 58-61; Камерун против Великобритании, решение от 2 декабря 1963 года, с. 33-34; Бельгия против Сенегала, решение от 20 июля 2012 года, п. 46), заключается в том, что спор должен существовать на момент подачи заявления, не может носить абстрактный характер, а попытка вынести юридически обязательное решение в условиях совершения государством односторонних действий, в том числе изменения национального законодательства, или достижения Сторонами договоренности об урегулировании ситуации не приведет к какому-либо значимому результату. Решение Суда должно иметь определенные практические последствия в том смысле, что оно может повлиять на существующие юридические права и обязанности Сторон, устраняя тем самым неопределенность в их правовых отношениях. При отсутствии таких юридических последствий Суд должен отказаться от осуществления юрисдикции и вынесения решения по спору. Судебное решение может послужить средством достижения юридической гармонии в обстоятельствах спора, но такой же правдой является то, что эскалация конфликта – препятствие к такой гармонии.

Представляется, что рассматриваемый Судом межгосударственный спор исчерпан, поскольку возникновение аналогичной спорной ситуации в настоящее время невозможно ввиду изменения правового

регулирования порядка действий должностных лиц таможенных органов назначения при выявлении нарушений таможенного законодательства как на наднациональном, так и на национальном уровне (внесение Решением Коллегии Евразийской экономической комиссии от 10 ноября 2015 года № 147 изменений в Решение Комиссии таможенного союза № 438 от 17 августа 2010 года «О Порядке совершения таможенными органами таможенных операций, связанных с подачей, регистрацией транзитной декларации и завершением таможенной процедуры таможенного транзита» (далее – Решение Комиссии от 17 августа 2010 года № 438), принятие Постановления Совета Министров Республики Беларусь от 29 апреля 2015 года № 366 «Об отдельных вопросах ввоза товаров, перемещаемых в соответствии с таможенной процедурой таможенного транзита, из Калининградской области Российской Федерации на таможенную территорию Евразийского экономического союза через Республику Беларусь»).

По этой причине рассмотрение спорной ситуации, развивавшейся в рамках действовавшего ранее и измененного к настоящему времени правового регулирования, не может привести к достижению цели деятельности Суда, предусмотренной пунктом 2 Статута Суда – обеспечение в соответствии с положениями Статута Суда единообразного применения государствами – членами и органами Союза Договора, международных договоров в рамках Союза и решений органов Союза. Предпринятая Судом попытка установления соответствия фактов потерявшему к настоящему времени актуальность правовому режиму, тем более на стадии совершенствования кодифицированного таможенного законодательства на наднациональном уровне, не коррелирует с целями региональной экономической интеграции и одним из основных принципов функционирования Союза – обеспечения взаимовыгодного сотрудничества, равноправия и учета национальных интересов Сторон, а также не влияет на существующие юридические права и обязанности Сторон и может устранить неопределенность в их правовых отношениях лишь в отношении действовавшего ранее правового регулирования, что с учетом его изменения *de lege lata* лишено практического смысла.

Таким образом, отсутствие на момент рассмотрения дела в Суде спора, возникающего по вопросу реализации действующего права Союза, учитывая невозможность повторения рассматриваемых событий в рамках настоящего правового регулирования, влечет констатацию факта отсутствия у Суда компетенции по рассмотрению заявления Истца.

2. Неправильное применение и несоблюдение норм материального права

2.1. В пункте 1 раздела 3 «Выводы Суда» решения констатируется, что для разрешения спора по существу первоочередному уяснению подлежат соответствующие нормы статей 1, 3, 4 и 25 Договора. Между тем Большая коллегия Суда не анализирует ни сам принцип свободы перемещения товаров, ни предусмотренные правом Союза допустимые изъятия из него, не исследует его в контексте фактических обстоятельств дела (перемещение товара в таможенной процедуре таможенного транзита через территорию третьего государства), равно как не приводит доказательств исполнения Республикой Беларусь не в полном объеме названных норм.

Следует согласиться с мнением Истца о важности для развития региональной экономической интеграции реализации одного из базовых принципов функционирования таможенного союза – свободы перемещения товаров на территории таможенного союза. Вместе с тем, действующим правом Союза допускаются существенные ограничения в осуществлении названного принципа, которые являются правомерными.

Так, подпункт 5 пункта 1 статьи 25 Договора определяет принцип свободы перемещения товаров как отсутствие в рамках таможенного союза государств-членов таможенного декларирования и государственного контроля (транспортного, санитарного, ветеринарно-санитарного, карантинного фитосанитарного), за исключением случаев, предусмотренных Договором.

Буквальное толкование данной нормы права Союза, а также исчерпывающий перечень запрещенных в целях реализации названного принципа мер государственного контроля не дают оснований утверждать об отсутствии *de lege lata* запрета на проведение таможенного контроля, поскольку по своей правовой природе таможенный контроль не является мерой государственного контроля (транспортным, санитарным, ветеринарно-санитарным, карантинным фитосанитарным контролем), которую действующее право Союза рассматривает как барьер для свободного перемещения товаров между территориями государств-членов. В то же время обязательность таможенного декларирования товара при его перемещении в рамках таможенной процедуры таможенного транзита через территорию третьего государства и осуществления такого транзита под таможенным контролем прямо указаны в ТК ТС. По этой причине Большой коллегии Суда следовало критически оценить позицию Истца о том, что правовой

механизм свободы движения товаров представляет собой совокупность норм, в том числе в части таможенного регулирования, призванных безусловно устранять все препятствия для ее реализации.

Таким образом, проведение таможенного контроля и применение ограничительных мер к товару при выявлении признаков административных правонарушений не являются нарушениями нормоустановлений статьи 25 Договора.

Такой подход к правовому регулированию является в полной мере оправданным для начальных этапов развития региональной экономической интеграции. Необходимо подчеркнуть, что статья 3 Договора, которая устанавливает основные принципы функционирования Союза, осуществляющего свою деятельность в пределах компетенции, предоставляемой ему государствами-членами, провозглашает функционирование таможенного союза без изъятий и ограничений только после окончания переходных периодов. Следовательно, на современном этапе, и тем более в момент, когда имели место рассматриваемые отношения, Союз функционирует с определенными изъятиями. Кроме того, принцип обеспечения взаимовыгодного сотрудничества и равноправия Сторон дополняется требованием учета их национальных интересов и соблюдения добросовестной конкуренции. Правоприменительная практика, в том числе связанная с наложением на государства-члены международных санкций, демонстрирует отсутствие до окончания переходных периодов баланса между установленными правом Союза принципами свободы перемещения товаров и учета национальных интересов. Так, реторсии, принимаемые государствами-членами, мотивируются исключительно защитой национальных интересов, оцениваемой приоритетно по отношению к свободе перемещения товаров (например, Указ Президента Российской Федерации от 6 августа 2014 года № 560 «О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации», принятые в его развитие нормативные правовые акты), а Доклад Евразийской экономической комиссии 2016 года констатирует наличие в рамках Союза по состоянию на 17 октября 2016 года более 600 барьеров, изъятий и ограничений.

Более того, даже если предположить, что предусмотренная статьей 25 Договора свобода перемещения товаров была ограничена Ответчиком, необходимо подчеркнуть, что следствием реализации принципа учета национальных интересов Сторон является предусмотренная статьей 29 Договора допустимость ограничения действия внутреннего рынка в целях, имеющих существенное значение

для общества и государства. В частности, подпункт 2 пункта 1 и пункт 3 статьи 29 Договора допускают возможность ограничения взаимной торговли государств-членов и оборота товаров на внутреннем рынке, если такие ограничения необходимы для защиты правопорядка и не являются средством неоправданной дискриминации. Таким образом, изъятия из принципа свободы перемещения товаров, применяемые в таможенной процедуре таможенного транзита, не нарушают право Союза, если они оправданы необходимостью защиты правопорядка.

Об отсутствии дискриминации в действиях таможенных органов Республики Беларусь свидетельствуют представленные Ответчиком сведения о беспрепятственном транзите с территории Калининградской области на остальную часть территории таможенного союза через территорию Республики Беларусь иных товаров.

Защита правопорядка – общепринятое в международной практике изъятие из принципа свободы перемещения товаров. Так, статья XX Генерального соглашения по тарифам и торговле от 30 сентября 1947 года содержит общие исключения из режима наиболее благоприятствуемой нации, которые включают в себя меры, необходимые для обеспечения соответствия законам или правилам, в том числе те, которые относятся к обеспечению соблюдения таможенного законодательства.

Аналогичное регулирование имеет место и в праве Европейского союза. Статья 36 Договора о функционировании Европейского союза предусматривает возможность запрета или ограничения импорта, экспорта или транзита, если такие действия являются оправданными по соображениям общественной морали, общественного порядка, общественной безопасности, охраны здоровья и жизни людей и животных или сохранения растений, защиты культурных ценностей и промышленной собственности. В практике Суда Европейского союза закреплена четкая правовая позиция о том, что действия государства, которые можно квалифицировать как нарушение принципа свободы перемещения товаров на территории таможенного союза, обусловленные защитой здоровья людей и общественной безопасности в соответствии со статьей 36 ДФЕС, признаются правомерными (решения Суда Европейского союза по делам *C-367/89 Aimé Richardt*, пункт 22, *C-72/83 Campus Oil Limited*, пункт 51). Суд Европейского союза подчеркивает, что цель статьи 36 ДФЕС заключается не в том, чтобы сохранить определенные сферы за юрисдикцией государства-члена, а в том, чтобы позволить национальному законодателю отступить от принципа свободного перемещения товаров настолько, насколько это

оправдано для достижения целей, предусмотренных названной статьей. Так как ограничительные меры, разрешенные статьей 36 ДФЕС, отступают от фундаментального принципа свободного движения товаров, они не противоречат ДФЕС лишь постольку, поскольку они оправданы, то есть необходимы для того, чтобы обеспечить защиту здоровья и жизни человека и общественную безопасность (решения по делам *C-153/78 Comissionv. Germany*, пункт 5, *35/76 Simmenthal SpA v. Ministero delle Finanze italiano*, пункт 10, *C-72/83 Campus Oil Limited*, пункт 32, *C-367/89 Aimé Richardt*, пункт 19).

Решение таких задач по контролю за соблюдением правопорядка, как обеспечение исполнения таможенного законодательства таможенного союза и законодательства государств – членов таможенного союза, выявление, предупреждение и пресечение административных правонарушений и преступлений в соответствии с законодательством государств – членов таможенного союза обеспечивают в соответствии со статьей 6 ТК ТС таможенные органы государств-членов.

Дефиниция, содержащаяся в пункте 31 статьи 4 ТК ТС, определяет таможенный контроль как совокупность мер, осуществляемых таможенными органами, в том числе с использованием системы управления рисками, и обозначает его основную цель – обеспечение соблюдения таможенного законодательства таможенного союза и законодательства государств – членов таможенного союза. Аналогичные правовые предписания имеют место в пунктах E7./F3. главы 2 «Определения» Генерального приложения к Международной конвенции об упрощении и гармонизации таможенных процедур от 18 мая 1973 года в редакции Протокола от 26 июня 1999 года (далее – Киотская конвенция): «таможенный контроль» означает меры, применяемые таможенной службой для обеспечения соблюдения таможенного законодательства.

Право Союза не ограничивает действия таможенных органов государств-членов в вопросе выбора степени таможенного контроля, за исключением указания о его проведении с соблюдением принципов выборочности и достаточности с учетом системы управления рисками.

Принцип дискреционности при принятии решений о проведении таможенного контроля и выборе его форм закреплен в пункте 6 статьи 94 ТК ТС, согласно которой при проведении таможенного контроля каких-либо разрешений, предписаний либо постановлений на его проведение таможенным органам не требуется, за исключением случаев, предусмотренных ТК ТС, к которым рассматриваемая в настоящем деле ситуация не относится.

Согласно пункту 1 статьи 128 ТК ТС таможенные органы применяют систему управления рисками для определения товаров, транспортных средств международной перевозки, документов и лиц, подлежащих таможенному контролю, форм таможенного контроля, применяемых к таким товарам, транспортным средствам международной перевозки, документам и лицам, а также степени проведения таможенного контроля. Стратегия и тактика применения системы управления рисками определяется законодательством государств – членов таможенного союза. Пункты 3 и 4 статьи 130 ТК ТС устанавливают, что порядок сбора и обработки информации, проведения анализа и оценки рисков, разработки и реализации мер по управлению рисками устанавливается законодательством государств – членов таможенного союза. Содержание установленных профилей и индикаторов риска предназначено для использования таможенными органами, является конфиденциальной информацией и не подлежит разглашению другим лицам, за исключением случаев, установленных законодательством государств – членов таможенного союза.

Таможенный контроль осуществляется в целях идентификации товаров и транспортных средств, проверки таможенных деклараций, документов и сведений о товарах, выявления и пресечения правонарушений в сфере таможенных отношений.

Рабочий документ TAXUD/A2/TRA/003/2016-EN «Руководство по транзиту», принятый Генеральным директором по налогообложению и таможенному союзу Европейской комиссии, в разделе 3.2 устанавливает право таможенных органов назначения самостоятельно решать вопрос о проведении таможенного контроля и его степени и в случае его проведения проверять, как минимум, эквивалентность идентификационных признаков товара характеристикам, указанным в декларации, и средства идентификации.

Выявление несоответствия идентификационных признаков товара в процессе проведения таможенного контроля предоставляет таможенным органам право инициировать начало административного процесса. В соответствии с пунктом 3 статьи 7 ТК ТС таможенные органы государств – членов таможенного союза ведут административный процесс (осуществляют производство) по делам об административных правонарушениях и привлекают лиц к административной ответственности в соответствии с законодательством государств – членов таможенного союза.

Таким образом, меры, принимаемые государством как в рамках таможенного контроля, так и в рамках производства по делам

об административных правонарушениях в целях обеспечения соблюдения таможенного законодательства и защиты правопорядка не могут являться мерами, препятствующими свободному перемещению товаров между территориями государств-членов и противоречащими требованиям статей 1, 3, 4 и 25 Договора.

2.2 Большой коллегией Суда дана неверная квалификация основных правовых понятий, на толковании которых основываются выводы Суда, неправильно определено их соотношение между собой, в связи с чем решение в нарушение пункта 6 статьи 78 Регламента Суда содержит внутренние противоречия и несовместимые положения.

Так, в соответствии со статьей 123 ТК ТС под взаимной административной помощью понимаются действия таможенного органа одного государства – члена таможенного союза, совершаемые по поручению таможенного органа другого государства – члена таможенного союза или совместно с ним в целях обеспечения соблюдения таможенного законодательства таможенного союза и предупреждения, пресечения, расследования нарушений таможенного законодательства таможенного союза.

При этом данная дефиниция, сформулированная ясно и недвусмысленно, а поэтому не допускающая иного толкования, делает возможным осуществление взаимной административной помощи только при наличии одного из двух обязательных условий – предварительного направления поручения либо проведения определенных действий совместно.

В силу пункта 2 статьи 123 ТК ТС взаимное признание решений, принятых таможенными органами, является одним из видов взаимной административной помощи. Таким образом, правило о соблюдении одного из двух указанных обязательных условий распространяется и на взаимное признание решений.

В этой связи нельзя признать мотивированным вывод Большой коллегии Суда о том, что в отличие от видов взаимной административной помощи, взаимное признание решений таможенных органов не предполагает направления... поручений.

Следует отметить, что положения статьи 125 ТК ТС о взаимном признании решений таможенных органов только в случаях, определенных таможенным законодательством таможенного союза (разрешено только то, что прямо определено), в настоящее время находится в стадии изменения государствами-членами на установление в статье 357 проекта Таможенного кодекса Евразийского экономического союза, одобренного распоряжением Евразийского межправительственного совета от 16 ноября 2016 № 19 (далее – проект

ТК Союза) обязанности такого признания за исключением случаев, установленных ТК Союза (*ubi jus incertum, ibi nullum* – разрешено то, что не запрещено). В отличие от действующего в ТК ТС правового регулирования проект ТК Союза предусматривает определенные правила поведения таможенных органов и при отсутствии в ТК Союза прямого указания на исключения не допускает возможности усмотрения государств в лице их органов в процессе правоприменения, то есть характеризуется высокой степенью правовой определенности.

О том, что после вступления в силу ТК Союза нормы о взаимной административной помощи не будут относиться исключительно к таможенному контролю, а приобретут общий характер, свидетельствует их перемещение из главы 17 «Взаимная административная помощь таможенных органов» раздела 3 «Таможенный контроль» ТК ТС в главу 47 «Общие положения о таможенных органах» раздела VII «Таможенные органы» проекта ТК Союза.

Следует отметить и то, что безусловное признание всех решений, принятых таможенными органами одних государств-членов, таможенными органами других государств-членов международной организации региональной экономической интеграции представляет собой высший уровень сотрудничества в рамках единой политики, о котором нельзя было говорить в 2009 году, в момент разработки и принятия ТК ТС.

В этой связи нормы ТК ТС и Соглашения от 21 мая 2010 года необходимо толковать исключительно с точки зрения существовавшей на момент их принятия стадии региональной экономической интеграции – создание таможенного союза, после чего интеграция прошла с 2012 года следующую стадию – создание единого экономического пространства, и только в 2015 году перешла в новую стадию – учреждение экономического союза. Большая коллегия Суда, не придав данному обстоятельству значения, применила толкование положений указанных актов через призму заключенного спустя пять лет после принятия ТК ТС и Соглашения от 21 мая 2010 года Договора, установившего более продвинутую форму интеграции, что противоречит формально-юридической логике.

2.3. В соответствии с общей теорией права неисполнение государством – членом Союза права Союза представляет собой нарушение международно-правового обязательства.

В соответствии со статьей 12 «Наличие нарушения международно-правового обязательства» Проекта статей об ответственности государств за международно-правовые деяния нарушение государством международно-правового обязательства имеет место, когда деяние

данного государства не соответствует тому, что требует от него данное обязательство, независимо от его происхождения или характера.

Большой коллегией Суда не дан ответ на вопрос, что представляет собой международно-правовое обязательство, предусмотренное статьей 125 ТК ТС и статьей 17 Соглашения от 21 мая 2010 года. В решении Суда лишь констатирована императивность взаимного признания решений таможенных органов по умолчанию, без оговорок и условий, без оценки обстоятельств, исключающих такое признание.

Большая коллегия Суда ограничилась формальным описанием действующего правового регулирования, *in abstracto*, без анализа вопроса о том, как указанное обязательство должно и (или) могло быть исполнено в конкретных фактических обстоятельствах – при оформлении завершения таможенной процедуры таможенного транзита таможенным органом назначения. Решение Суда не учитывает специфики взаимного признания решений таможенных органов в таможенной процедуре таможенного транзита, в том числе через территорию государства, не являющегося членом таможенного союза.

Судом оставлено без внимания, что правовое регулирование непосредственных действий должностного лица таможенного органа, осуществляющего оформление завершения таможенной процедуры таможенного транзита, претерпело в Союзе существенные изменения по сравнению с периодом времени, когда имели место рассматриваемые события.

Порядок действий должностных лиц таможенных органов при совершении таможенных операций, связанных с подачей, регистрацией транзитной декларации и завершением таможенной процедуры таможенного транзита, регулируется Решением Комиссии от 17 августа 2010 года № 438.

Редакция данного правового акта, действовавшая на момент, когда имели место рассматриваемые события, не содержала правового регулирования критериев оценки признаков нарушений таможенного законодательства, правовых последствий выявления признаков нарушений таможенного законодательства при завершении таможенной процедуры таможенного транзита, конкретного механизма действий должностного лица таможенного органа в такой ситуации. Регулирование порядка действий должностного лица таможенного органа назначения в случае выявления признаков нарушений таможенного законодательства отсутствовало на тот момент и в иных актах права Союза.

Решением Комиссии № 147 от 10 ноября 2015 года, вступившим в силу 10 мая 2016 года, внесены изменения в Решение Комиссии

от 17 августа 2010 года № 438. Таким образом, в настоящее время указанный выше пробел в правовом регулировании устранен, предусмотрен специальный порядок действий должностных лиц таможенных органов при выявлении нарушений таможенного законодательства при завершении таможенной процедуры таможенного транзита – принятие должностным лицом таможенного органа решения об оформлении завершения таможенной процедуры таможенного транзита, в том числе с указанием выявленных признаков нарушений, или иного решения в соответствии с законодательством государства-члена. Указание сведений о выявленных признаках нарушений осуществляется на одном экземпляре транзитной декларации либо транспортного (перевозочного) документа с отметками о выпуске товаров в случае использования в качестве транзитной декларации транспортных (перевозочных), коммерческих документов.

Об урегулировании в настоящее время порядка действий должностных лиц таможенных органов Республики Беларусь при наличии сомнений в статусе товара свидетельствует и введение Республикой Беларусь после рассматриваемых событий национального правового регулирования. Так, Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 29 апреля 2015 года № 366 «Об отдельных вопросах ввоза товаров, перемещаемых в соответствии с таможенной процедурой таможенного транзита, из Калининградской области Российской Федерации на таможенную территорию Евразийского экономического союза через Республику Беларусь» установлено, что при наличии оснований для отнесения товаров, перемещаемых в качестве товаров Союза в соответствии с таможенной процедурой таможенного транзита из Калининградской области Российской Федерации через Республику Беларусь на остальную часть территории Российской Федерации, к иностранным товарам место доставки таких товаров изменяется таможенным органом Республики Беларусь с таможенного органа Республики Беларусь на таможенный орган Российской Федерации, при этом предоставления обеспечения уплаты таможенных пошлин, налогов в отношении указанных товаров не требуется.

Таким образом, в настоящее время признаки нарушения таможенного законодательства таможенного союза и таможенного законодательства государств-членов, сомнения относительно статуса товаров, следующих в таможенной процедуре таможенного транзита, выявленные таможенным органом Республики Беларусь как таможенным органом назначения (именно на невозможности Ответчика усомниться в статусе товаров основана правовая позиция Истца),

не препятствуют завершению процедуры таможенного транзита с указанием выявленных признаков нарушений и изменением места доставки товара на таможенный орган Российской Федерации без начала производства по делу об административном правонарушении.

В этой связи можно утверждать, что с учетом существующего правового регулирования в аналогичной ситуации спор относительно различной интерпретации статьи 125 ТК ТС и статьи 17 Соглашения от 21 мая 2010 года в настоящее время не может возникнуть.

Таким образом, следует констатировать наличие на момент рассматриваемых событий правовой неопределенности, существенной для предмета спора, а также несоответствия нормоустановлений статьи 125 ТК ТС, статьи 17 Соглашения от 21 мая 2010 года и пункта 19 Решения Комиссии от 17 августа 2010 года № 438 в их взаимосвязи требованиям полноты и конкретности правового регулирования, отсутствия декларативности и пробелов, а следовательно их противоречие принципу правовой определенности.

Эффективное развитие евразийской экономической интеграции может быть обеспечено лишь при условии единообразного понимания и толкования правоприменительными органами всех государств-членов норм права Союза. Конституционными судами Сторон спора сделан однозначный вывод о том, что в целях единообразной интерпретации правоприменителем правовая норма должна отвечать требованию определенности, ясности и недвусмысленности, тогда как неопределенность содержания правовой нормы, напротив, допускает дискрецию, возможность неограниченного усмотрения государства в лице его органов в процессе правоприменения (постановления Конституционного суда Российской Федерации от 25 апреля 1995 года № 3-П, от 15 июля 1999 года № 11-П, от 25 февраля 2004 года № 4-П, от 20 апреля 2009 года № 7-П, от 6 декабря 2011 года № 27-П, от 29 июня 2012 года № 16-П, от 22 апреля 2013 года № 8-П, от 18 ноября 2014 года № 30-П). Принцип правовой определенности предполагает системность и комплексность правового регулирования общественных отношений, ясность, точность, непротиворечивость и логическую согласованность норм законов, обеспечивающих возможность их единообразного применения на практике (решения Конституционного Суда Республики Беларусь от 30 декабря 2013 года № Р-913/2013, от 20 января 2015 года № Р-975/2015).

Более того, рассматриваемые обстоятельства отчетливо демонстрируют отсутствие единой позиции, а именно согласования воли государств – членов Союза, в том числе Сторон спора,

по предмету требования в момент, когда имели место рассматриваемые события.

Отсутствие четкого правового предписания относительно порядка действий должностного лица таможенного органа при выявлении признаков нарушений таможенного законодательства, исчерпывающего перечня мер, принимаемых таможенными органами в таких случаях, не предоставляет возможности дать оценку действиям государства с точки зрения актуального для рассматриваемых обстоятельств права – *quod non est in actis, non est in mundo* (что отсутствует в документах, то не существует). Исходя из этого, единственно правильным может являться вывод о невозможности нарушения несуществующего стандарта должного поведения.

Следует также подчеркнуть, что в силу пункта 102 Статута Суда решение Суда не изменяет и (или) не отменяет действующих норм права Союза, законодательства государств-членов и не создает новых, то есть Суд не наделен государствами-членами правом устанавливать определенный режим регулирования. Суд является органом нормоконтроля и правоприменения, тогда как полномочия по созданию норм права Союза принадлежат исключительно государствам – членам и органам Союза, которые государства-члены наделили соответствующими полномочиями. Таким образом, анализ Договора и Статута Суда позволяет установить волю государств-членов, заложенную в указанные правовые акты при создании Суда, а именно то, что Суд при рассмотрении дел вправе толковать право Союза и восполнять существующие в нем пробелы, но не в тех случаях, когда правового регулирования не существует либо оно является неполным, а только тогда, когда имеющаяся норма является непонятной либо несколько норм находятся в противоречии между собой.

Таким образом, отсутствие в действовавших на момент рассматриваемых событий нормах статьи 125 ТК ТС, статьи 17 Соглашения от 21 мая 2010 года и пункта 19 Решения Комиссии от 17 августа 2010 года № 438 правовой определенности в регулировании порядка действий таможенных органов при завершении таможенной процедуры таможенного транзита, условий взаимного признания решений таможенных органов, а также обстоятельств, которые могут исключать или ограничивать такое признание (в том числе выявленных таможенными органами признаков нарушений таможенного законодательства, исключений из порядка функционирования внутреннего рынка, предусмотренных статьей 29 Договора), то есть отсутствие четко сформулированной обязанности и стандарта должного поведения государства в лице его таможенных органов, свидетельствует

об отсутствии у Ответчика соответствующей международно-правовой обязанности согласно статье 12 Проекта статей об ответственности государств за международно-правовые деяния и прямо указывает на наличие дискреции таможенных органов в данном вопросе.

С точки зрения формально-юридической логики и принципа отсутствия ретроспективной силы международного договора нельзя согласиться с используемым Большой коллегией Суда подходом к толкованию действовавших на момент рассматриваемых событий норм ТК ТС и Соглашения от 21 мая 2010 года на основании принятых позднее актов права Союза, в частности, Договора о присоединении Республики Армения к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, принятого 10 октября 2014 года и вступившего в силу 2 января 2015 года, а также проекта ТК Союза. Сам факт принятия нового правового регулирования напротив свидетельствует о недостатках предыдущего, наличии в нем пробелов, несогласованных вопросов и необходимости его совершенствования, а избранный для толкования подход содержит противоречие принципу *lex posterior derogat priori*.

Не принято во внимание Большой коллегией Суда и то обстоятельство, имеющее существенное значение для разрешения конкретного спора о порядке осуществления таможенного транзита между двумя государствами, что об отсутствии достаточного правового регулирования спорного вопроса в момент рассматриваемых событий свидетельствуют имеющиеся в материалах дела сведения о продолжающейся между Сторонами спора работе по согласованию Порядка совершения таможенных операций при перемещении товаров Евразийского экономического союза между территорией Калининградской области Российской Федерации и остальной частью таможенной территории Евразийского экономического союза через территорию государства, не являющегося членом Евразийского экономического союза, который предполагается утвердить постановлением Совета Министров Союзного государства.

В этой связи единственно правильным является сделанный Большой коллегией Суда в резолютивной части решения вывод об исполнении Республикой Беларусь положений статьи 125 ТК ТС и статьи 17 Соглашения от 21 мая 2010 года, а указание о неполноте такого исполнения и частичном удовлетворении требований Истца противоречит приведенным обстоятельствам.

2.4. Большой коллегией Суда не приняты во внимание фактические обстоятельства дела, не дана оценка доказательствам выявления таможенными органами Республики Беларусь признаков

нарушений таможенного законодательства, что послужило основанием для начала производства по делам об административных правонарушениях.

В материалах дела имеются представленные Ответчиком доказательства выявления еще в 2014 году таможенными органами Республики Беларусь признаков административных правонарушений при перевозке указанных в заявлении Истца партий товаров, в частности, документы (фотографии товара и упаковки, сведения о несоответствиях в инструкциях по эксплуатации, нанесение идентификационных номеров бытовой техники путем размещения самоклеящихся наклеек поверх иного идентификационного номера и другие), которые, по мнению Ответчика, свидетельствуют о наличии сомнений в том, что к завершению таможенной процедуры таможенного транзита предъявлен именно тот товар, который указан в товаросопроводительных документах, а также письма Северо-Западной оперативной таможни ФТС Российской Федерации от 22 декабря 2014 года № 14-16/16686 и от 24 декабря 2014 года № 14-16/16805 в адрес Ошмянской таможни о недостоверности сведений о получателе товара в товаросопроводительных документах, представленных таможенным органам Республики Беларусь для завершения таможенной процедуры таможенного транзита (юридическое лицо по указанному в документах адресу не располагается, создано фиктивно, лицо, которое является директором в соответствии с учредительными документами, не подписывало договоры поставки товаров, в отношении которых приняты ограничительные меры).

Вывод Большой коллегии Суда о презумпции достоверности сведений и обстоятельств, содержащихся в таможенных декларациях с разрешительными отметками таможенных органов отправления, не подтверждается приведенными выше сведениями о выявленных признаках нарушений.

Утверждение Большой коллегии Суда о том, что право аннулировать документ, подтверждающий статус товара, отнесено исключительно к компетенции Торгово-промышленной палаты Российской Федерации, не соответствует положениям пункта 7 Порядка выдачи и применения заключений о статусе товара, произведенного в СЭЗ или на свободном складе, формы ТЕАЭС и формы ИТ, утвержденного решением Комиссии Таможенного союза от 17 августа 2010 года № 437. Согласно данной норме заключение о статусе товара может быть признано недействительным таможенным органом государства – члена Союза в случае если сведения о товарах, указанные

заклучении, не соответствуют сведениям о товарах, содержащимся в таможенной декларации на товары, поданной таможенному органу государства-члена при завершении таможенной процедуры свободной таможенной зоны. Кроме того, существует устойчивая практика судебных органов Российской Федерации о том, что при наличии данных, свидетельствующих об отсутствии у товара статуса товара таможенного союза, заключение торгово-промышленной палаты, выданное на основании акта экспертизы, не подтверждает наличие у товара статуса товара таможенного союза, а факты отсутствия его аннулирования торгово-промышленной палатой и отсутствия признания его недействительным таможенным органом не имеют правового значения для правильного разрешения дела (постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 24 августа 2016 года по делу № А21-6515/2015, постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 9 сентября 2016 года по делу № А21-5165/2015, постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 13 сентября 2016 года по делу № А21-6201/2015).

Нельзя признать обоснованным как с процессуальной точки зрения, так и по существу указание в решении Большой коллегии Суда о том, что из заявления Истца следуют обстоятельства, подтверждающие, что собственниками товаров (перевозчиками) и таможенными органами Истца соблюдены необходимые требования положений глав 24 и 26 ТК ТС. Из возражений Ответчика и представленных им доказательств, не получивших оценки Суда, следует диаметрально противоположный вывод. Мотивы, по которым Судом приняты одни и отвергнуты другие доводы Сторон, в решении Суда не приведены.

Между тем таможенные органы назначения вправе осуществлять проверку достоверности информации, содержащейся в документах, признанных таможенными органами отправления, поскольку в соответствии со статьей 215 ТК ТС в таможенной процедуре таможенного транзита товары перевозятся под таможенным контролем по таможенной территории таможенного союза, в том числе через территорию государства, не являющегося членом таможенного союза, а таможенный контроль согласно пункту 2 статьи 95 ТК ТС распространяется на товар, документы и деятельность лиц. В силу статьи 189 ТК ТС декларант несет ответственность в соответствии с законодательством государств – членов таможенного союза за заявление недостоверных сведений, указанных в таможенной декларации, в том числе при принятии таможенными органами решения о выпуске товаров с использованием системы управления рисками.

Согласно требованиям статьи 182 ТК ТС транзитная декларация должна содержать информацию об отправителе, получателе товаров в соответствии с транспортными (перевозочными) документами.

На этом основании указание в транзитных декларациях недостоверной информации, в том числе о получателе товара, является нарушением таможенного законодательства, а действия таможенных органов Республики Беларусь, в результате которых были выявлены признаки такого нарушения, не могут квалифицироваться как нарушение принципа свободы движения товаров, установленного статьей 25 Договора.

При этом, как указано выше, Суд не наделен полномочиями по проверке решений национальных юрисдикционных органов по делам об административных правонарушениях, а вопросы применения права Союза должны решаться Судом в рамках пределов судебного разбирательства, с учетом установленных такими решениями (при их наличии) вопросов факта.

Кроме того, Большая коллегия Суда не воспользовалась предоставленным пунктом 4 статьи 77 Регламента Суда правом возобновить производство по делу в связи с необходимостью выяснения новых обстоятельств и дополнительного исследования доказательств, имеющих существенное значение для рассмотрения заявления.

Так, в ответ на ранее адресованный Судом Ответчику запрос Республикой Беларусь после удаления Суда в совещательную комнату были направлены в Суд дополнительные доказательства выявления признаков административного правонарушения (несоответствие перевозимого товара представленным товаросопроводительным документам) по одному из фактов таможенного транзита. Несвоевременное направление данных документов в Суд было мотивировано Ответчиком различными объективными причинами.

То обстоятельство, что данные документы были предоставлены Ответчиком именно по запросу Суда, свидетельствует о предварительном признании их Судом необходимыми для полного и всестороннего выяснения всех обстоятельств дела и вынесения законного и обоснованного решения.

Таким образом, указанные доказательства имели существенное значение для рассмотрения заявления, поэтому Суд был обязан возобновить производство по делу и решить вопрос об их приобщении к материалам дела, однако такой возможностью не воспользовался.

С учетом изложенного, решение Большой коллегии Суда основано на неполно исследованных обстоятельствах дела, а факты, установленные данным решением, являются установленными

формально, на основании изучения лишь части имеющихся доказательств, в связи с чем не могут восприниматься и использоваться государствами-членами и правоприменителем без соответствующей оговорки.

2.5. Как было указано ранее, вопросы осуществления производства по делам об административных правонарушениях и привлечения лиц к административной ответственности не входят в сферу применения права Союза, на них не распространяется компетенция Суда. Вместе с тем, представляется целесообразным прибегнуть к доктрине пропорциональности, активно применяемой в практике международных судов как стандарту оценки дискреционных решений государственных органов. Концепция пропорциональности подразумевает анализ следующих кумулятивных критериев: наличие полномочий на применение меры, достаточность (избранные средства способны достигать поставленных целей), соразмерность (отсутствие для достижения цели менее обременительных средств).

По результатам исследования доказательств по делу следует констатировать наличие у Ответчика полномочий на осуществление производства по делам об административных правонарушениях, поскольку согласно пункту 2 статьи 3.29 и пункту 1 статьи 3.30 ПИКоАП Республики Беларусь должностные лица таможенных органов, ведущие административный процесс, наделяются полномочиями по составлению протоколов об административных правонарушениях и подготовку дел об административных правонарушениях к рассмотрению.

Кроме того, избранные таможенным органом средства способны обеспечить достижение поставленной перед ним цели – защиты правопорядка и пресечения правонарушений. В соответствии со статьей 8.9 ПИКоАП Республики Беларусь предметы административного правонарушения, за совершение которого предусмотрена их конфискация, изымаются должностным лицом органа, ведущего административный процесс, на срок до вступления в законную силу постановления по делу об административном правонарушении. Изъятие товара в рассматриваемых обстоятельствах являлось действенной превентивной мерой по причине высокого риска того, что при отсутствии ответов таможенных органов Российской Федерации на запросы таможенных органов Республики Беларусь относительно товара, выпущенного в процедуру реимпорта в свободное обращение, проверяемый товар с признаками административного правонарушения будет реализован на территории Союза еще до перемещения в место назначения, после чего последующий

таможенный контроль в форме таможенной проверки станет де-факто невозможным.

В силу пробелов наднационального правового регулирования действий должностного лица таможенного органа в случае выявления признаков нарушения таможенного законодательства при проверке документов и идентификации товаров и выбора релевантной меры, предусмотренной национальным правом, такие действия не могут быть оценены как несоразмерные и нарушающие международно-правовые обязательства Республики Беларусь. Кроме того, Большая коллегия Суда не приняла во внимание добросовестность поведения Ответчика после выявления признаков административного правонарушения и сомнений в идентификации товара, представленного для оформления завершения таможенной процедуры таможенного транзита. Таможенными органами Республики Беларусь в адрес таможенных органов Российской Федерации были направлены официальные письма с предложением оказать содействие таможенным органам Российской Федерации в проведении соответствующей проверки и выражением готовности принять совместные соответствующие решения в соответствии с законодательством таможенного союза (письмо Первого заместителя Председателя Государственного таможенного комитета Республики Беларусь в адрес заместителя Руководителя Федеральной таможенной службы Российской Федерации от 5 декабря 2014 года № 03/15161), с просьбой принять совместные решения о судьбе товаров в соответствии с законодательством таможенного союза (письмо Председателя Государственного таможенного комитета Республики Беларусь в адрес Руководителя Федеральной таможенной службы Российской Федерации от 6 декабря 2014 года № 22). Письма с просьбой представить документы и сведения, а также совершить определенные процессуальные действия направлялись таможенными органами Ответчика не только в адрес центрального, но и в адрес региональных таможенных органов Истца, однако не получили должного ответа.

Отказ в сотрудничестве мотивировался следующими основаниями:

обращение в обязательном порядке должно соответствовать требованиям, указанным в Соглашении от 21 мая 2010 года (письмо Калининградской областной таможни от 19 декабря 2014 года № 37-18/33276);

запрос не должен являться поручением на совершение отдельных процессуальных действий на территории иностранного государства и должен в обязательном порядке содержать ссылку на Соглашение

о сотрудничестве и взаимопомощи в таможенных делах от 15 апреля 1994 года (письмо Калининградской областной таможни от 19 декабря 2014 года № 37-18/32876);

Калининградская областная таможня не считает сведения и основание, указанные в запросах Ошмянской таможни, достаточными для их исполнения в рамках Соглашения от 21 мая 2010 года (письмо Калининградской областной таможни от 19 декабря 2014 года № 37-18/33854).

Отказ в сотрудничестве таможенных органов противоречит нормам международного права. Так, статья 2 Международной конвенции о взаимном административном содействии в предотвращении, расследовании и пресечении таможенных правонарушений от 9 июня 1977 года устанавливает, что Договаривающиеся Стороны, принявшие обязательства по одному или нескольким Приложениям к настоящей Конвенции, соглашаются, что их таможенные службы будут оказывать друг другу взаимное содействие в целях предотвращения, расследования и пресечения таможенных правонарушений в соответствии с положениями настоящей Конвенции.

Отсутствие ответов таможенных органов Истца по существу запросов Ответчика и неготовность к проведению совместных с ним мероприятий также явились основанием для возбуждения Ответчиком производства по делам об административных правонарушениях в целях выявления, предупреждения и пресечения административных правонарушений и применения к товару мер, предусмотренных национальным правом. При этом следует учитывать, что впоследствии товар был обращен в доход государства в соответствии с национальным законодательством как предмет административного правонарушения, факт совершения которого установлен вступившими в законную силу постановлениями, вынесенными в рамках производства по делам об административных правонарушениях.

На основании вышеизложенного следует констатировать пропорциональность мер, примененных таможенными органами Ответчика в целях выявления, предупреждения и пресечения административных правонарушений.

2.6. Решение Большой коллегии Суда не отвечает требованиям, предъявляемым к нему пунктом 4 статьи 78 Регламента Суда, и не содержит доказательств, на которых основан вывод Суда об исполнении Республикой Беларусь не в полном объеме статьи 11 Соглашения от 21 мая 2010 года, тогда как материалы дела

свидетельствуют об отсутствии в действиях Республики Беларусь признаков такого неполного исполнения.

Проведение отдельных форм таможенного контроля по поручению таможенного органа другого государства – члена таможенного союза или совместно с ним в целях обеспечения соблюдения таможенного законодательства таможенного союза и предупреждения, пресечения, расследования нарушений таможенного законодательства таможенного союза является одной из форм взаимной административной помощи согласно статье 123 ТК ТС.

В соответствии со статьей 11 Соглашения от 21 мая 2010 года наличие данных, свидетельствующих о возможном нарушении требований таможенного законодательства таможенного союза и (или) законодательства государства – члена таможенного союза, является основанием направления поручения о проведении отдельных форм таможенного контроля.

Согласно пункту 2 статьи 31 Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 года контекст международного договора включает, кроме текста, любые соглашения, относящиеся к договору, достигнутые между участниками в связи с заключением договора.

Оказание взаимной административной помощи таможенными органами государств-членов регулируется главой 17 ТК ТС, источником более высокого с точки зрения юридической техники уровня – кодифицированным актом. О производном от ТК ТС характере Соглашения от 21 мая 2010 года свидетельствует и прямое указание в преамбуле на то, что при его разработке участники основываются на Договоре о Таможенном кодексе таможенного союза от 27 ноября 2009 года.

Согласно статье 126 ТК ТС в целях обеспечения соблюдения таможенного законодательства таможенного союза, а также предупреждения и пресечения нарушений таможенного законодательства таможенного союза таможенный орган одного из государств – членов таможенного союза вправе поручить таможенному органу другого государства-члена проведение отдельных форм таможенного контроля. Следовательно, направление поручений осуществляется таможенным органом в инициативном порядке. Данная норма является управомочивающей, а не обязывающей, регулирует способ воздействия на общественные отношения, связанные с направлением поручений таможенными органами. Статьи 11-14 Соглашения от 21 мая 2010 года в силу бланкетного характера части 2 статьи 126 ТК ТС развивают ее положение, дополняя правовое

регулирование такими процессуальными аспектами, как основания, форма, порядок направления и исполнения поручения о проведении отдельных форм таможенного контроля, но не затрагивают регулирование в части способа воздействия (право или обязанность).

Большой коллегией Суда не дана оценка действиям таможенных органов Республики Беларусь с позиции принципа целесообразности (исчерпания внутренних средств). Системное толкование статей 11-14 Соглашения от 21 мая 2010 года позволяет сделать вывод о том, что необходимость в обращении за административной помощью в виде направления запросов возникает у таможенных органов преимущественно тогда, когда объекты таможенного контроля, предусмотренные пунктом 2 статьи 95 ТК ТС, находятся на территории другого государства. В соответствии с пунктом 1 статьи 96 ТК ТС таможенный контроль проводится в зоне таможенного контроля, а также в других местах, определяемых таможенными органами, где находятся товары, транспортные средства и документы, содержащие сведения о них, в том числе в электронной форме. Таким образом, направление поручения о проведении отдельных форм таможенного контроля производится таможенным органом только в том случае, если у него нет возможности принять соответствующие меры самостоятельно, либо если такие действия по каким-либо причинам нецелесообразны. Направление таможенными органами одного из государств – членов Союза поручения таможенным органам другого государства-члена по каждой из применяемых форм таможенного контроля в отношении всех товаров, перемещаемых через таможенную границу и помещенных под таможенную процедуру таможенного транзита, противоречит принципам процессуальной экономии и эффективного использования имеющихся в распоряжении таможенных органов ресурсов.

Согласно пункту 3 статьи 31 Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 года при толковании международного договора учитывается последующая практика применения договора. В этой связи большое значение имеют оставленные без внимания Большой коллегией Суда имеющиеся в материалах дела ответы на поставленные Судом перед центральными таможенными органами государств – членов Союза в соответствии с пунктом 55 Статута Суда вопросы о практике применения ими статьи 11 Соглашения от 21 мая 2010 года. Выявление так называемого «евразийского стандарта» правоприменения имеет большое значение для вынесения Судом законного решения, поскольку в силу пункта 2 Статута Суда целью его деятельности является

обеспечение единообразного применения государствами – членами и органами Союза права Союза.

Ответы таможенных органов свидетельствуют об отсутствии у них обобщенной информации о практике применения статьи 11 Соглашения от 21 мая 2010 года, отсутствии или незначительности такой практики (письмо Комитета государственных доходов Правительства Республики Армения от 28 ноября 2016 года № 5-2/36591-16, письмо Государственного таможенного комитета Республики Беларусь от 17 октября 2016 года № 09-1-10/10716, письмо Государственной таможенной службы при Правительстве Кыргызской Республики от 12 октября 2016 года № 25-10-11/7779, письмо Министерства юстиции Российской Федерации от 17 октября 2016 года № 06/118934-МТ, содержащее ответы Федеральной таможенной службы Российской Федерации).

Кроме того Министерство финансов Республики Армения в письме № 2-5/27320-16 от 8 декабря 2016 года и Государственный таможенный комитет Республики Беларусь в указанном выше письме сообщили, что направление поручений о проведении отдельных форм таможенного контроля является правом, а не обязанностью таможенного органа государства-члена.

Таким образом, ответы, полученные из таможенных органов государств-членов, свидетельствуют об отсутствии устойчивой практики направления поручений о проведении отдельных форм таможенного контроля таможенными органами государств – членов Союза, что также позволяет сделать вывод об отсутствии императивного требования к таможенным органам о направлении поручений в целях обеспечения соблюдения таможенного законодательства таможенного союза и предупреждения, пресечения, расследования нарушений таможенного законодательства таможенного союза.

На основании изложенного, направление поручений о проведении отдельных форм таможенного контроля таможенными органами государств – членов Союза таможенным органам других государств-членов в соответствии со статьей 11 Соглашения от 21 мая 2010 года представляет собой право, а не обязанность, и определяется мотивами целесообразности в случае исчерпания внутренних средств.

Кроме того, поддержанный Большой коллегией Суда довод Истца о том, что таможенными органами Республики Беларусь не были направлены поручения таможенным органам Российской Федерации о проведении отдельных форм таможенного контроля, не соответствует представленным Сторонами и исследованным Судом доказательствам. Так, имеющиеся в материалах дела документы (в частности, письмо

начальника Гродненской региональной таможни на имя заместителя начальника Центрального таможенного управления Федеральной таможенной службы Российской Федерации начальника Центральной оперативной таможни от 11 декабря 2014 года № 03-2/18966, письмо исполняющего обязанности заместителя начальника Ошмянской таможни на имя исполняющего обязанности начальника Северо-Западного таможенного управления от 11 декабря 2014 года № 03-2/2739 и другие) *prima facie* соответствуют общим требованиям, предъявляемым к ним статьей 12 Соглашения от 21 мая 2010 года, однако в их исполнении таможенными органами Российской Федерации отказано по формальным основаниям.

В данном контексте возможно использовать и сложившуюся практику международных судов. Так, Постоянная палата международного правосудия в решении от 30 августа 1924 года по делу о концессиях Мавроматиса в Палестине сделала вывод о том, что суд, юрисдикция которого является международной, не обязан придавать вопросам формы такую же степень важности, которой они могут обладать во внутреннем праве.

Таким образом, следует констатировать соблюдение Ответчиком требований статьи 11 Соглашения от 21 мая 2010 года.

3. Неправильное применение и несоблюдение норм процессуального права

Полагаю необходимым указать и на несоблюдение Большой коллегией Суда норм права, устанавливающих порядок судопроизводства в Суде.

В соответствии с пунктами 1, 2 статьи 77 Регламента Суда, решение выносится Судом в совещательной комнате, сведения о содержании обсуждения при вынесении решения Суда, позиции отдельных судей Суда являются тайной совещания судей.

31 января 2017 года Секретариатом Суда в системе электронного документооборота Суда была зарегистрирована служебная записка одного из судей Большой коллегии, в которой приведены цитата из подготовленного в совещательной комнате проекта решения Суда, сведения о содержании обсуждения при вынесении решения Суда и высказанные позиции, а также собственное мнение этого судьи по вопросам, которые после удаления Суда в совещательную комнату не могут публично обсуждаться либо озвучиваться судьей. Доступ к электронной копии указанного документа помимо судей Большой коллегии Суда имели иные лица, что прямо указывает на нарушение тайны совещания судей.

Обращаю внимание, что помимо требований статьи 77 Регламента Суда необходимость соблюдения тайны совещания судей является международным обычаем и предусмотрена регламентами других международных судов (например, статья 21 Регламента Международного Суда ООН, статья 35 Статута Суда Европейского союза, статья 4 Правил процедуры Суда Европейского союза, правило 22 Регламента Европейского суда по правам человека).

Кроме того, в национальном законодательстве государств – сторон спора нарушение правила о тайне совещания судей при принятии решения в силу его особой значимости является существенным нарушением процессуального права и безусловным основанием к отмене решения суда (например, пункт 5 части второй статьи 404 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь, пункт 7 части 4 статьи 270 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, пункт 7 части 4 статьи 330 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации).

Еще одним существенным нарушением процесса судопроизводства является порядок разрешения Большой коллегией Суда ходатайства Ответчика о прекращении производства по делу и принятия по нему процессуального решения.

Так, данное ходатайство по столь важному вопросу, имеющему существенное значение по делу, было разрешено Большой коллегией Суда без удаления в совещательную комнату и без вынесения постановления в виде отдельного процессуального документа, протокольным постановлением, без изложения мотивов принятого решения и оценки доводов Ответчика.

При этом, системное толкование статей 56 и 84 Регламента Суда дает основание прийти к выводу о том, что постановление об отказе в удовлетворении ходатайства о прекращении производства по делу, как и постановление о прекращении производства по делу, должны выноситься в совещательной комнате, поскольку, голосуя за то или иное решение и не зная, будет оно о прекращении производства по делу либо об отсутствии для этого оснований, Суд был обязан предварительно удалиться в совещательную комнату и, как следствие, вынести по данному вопросу мотивированное постановление в виде отдельного акта.

Более того, доводы Ответчика о наличии оснований для прекращения производства по делу не получили оценки Большой коллегии Суда и в итоговом решении Суда по делу, равно как и аргументы Сторон о наличии или отсутствии у Суда компетенции по рассмотрению данного спора.

Данное обстоятельство свидетельствует о несоблюдении прав Ответчика, который так и не получил мотивированного ответа на поставленные перед Большой коллегией Суда вопросы об отсутствии компетенции Суда по рассмотрению данного спора.

4. Выводы

На основании изложенного, Большой коллегии Суда следовало:

при решении вопроса о приемлемости в соответствии с подпунктами «а» и «б» пункта 2 статьи 33 Регламента Суда вынести постановление об отказе в принятии заявления Российской Федерации в связи с тем, что рассмотрение спора не относится к компетенции Суда, а также в связи с несоблюдением установленного досудебного порядка урегулирования спора;

на более поздней стадии процесса в соответствии с подпунктом «а» пункта 1 статьи 56 Регламента Суда вынести постановление о прекращении производства по делу в связи с тем, что рассмотрение спора не относится к компетенции Суда;

в случае вынесения решения по существу спора в соответствии с подпунктом 1 пункта 105 Статута Суда и пунктом 5 статьи 78 Регламента Суда отказать в удовлетворении требований Истца в полном объеме, установив факт соблюдения Республикой Беларусь статей 1, 3, 4 и 25 Договора, статьи 125 ТК ТС, статей 11 и 17 Соглашения от 21 мая 2010 года.

Судья Суда Евразийского
экономического союза

Д.Г. Колос